

А. В. Хренова
Новокузнецк, Россия

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОНЦЕПТОВ «PRESIDENT» И «ПРЕЗИДЕНТ»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу происхождения современных концептов «*president*» и «президент» в американской и российской концептуальных системах. Исследование выполнено с опорой на основные положения Санкт-Петербургско-Кемеровской научной школы концептуальных исследований и достижения западных лингвистов-когнитологов в описании теоретических конструкций. Анализ репрезентантов концептов «*president*» и «президент», потребовавший изучения внутренних форм однокоренных латинских лексем *praesidēns*, *praesēs*, *praesidēo* на материале текстов классической латинской литературы, работ историков о социокультурном пространстве Древнего Рима, показал, что формирование концептов в историческом и культурном контекстах обусловлено следующими когнитивными механизмами: процессом концептуализации (перспектива / включенность в ситуацию), метонимическим и метафорическим сдвигами. При этом ключевым словом для понимания концептов выступает глагол *praesidēo*. В своем прямом значении он является результатом такого процесса концептуализации, как «перспектива / включенность в ситуацию». Переносные значения глагол *praesidēo* приобретает в результате метафорического сдвига: область-источником служит физическое действие, выполняемое римскими должностными лицами (физическая область), область-целью — действия, носящие социальный характер (социальная область). Метонимический сдвиг описывается моделью ДЕЙСТВИЕ / СОБЫТИЕ / ПРОЦЕСС → АГЕНС. В целом главным фактором появления латинских концептов «*praesidēns*», «*praesēs*» и соответственно современных концептов «*president*» и «президент» послужило существование особой категории государственных служащих Древнего Рима, обладавших верховной властью и выполнявших ряд важных политических функций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: происхождение концептов; концепты; концептосфера; президенты; когнитивная лингвистика; английский язык; русский язык; сопоставительное языкознание.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Хренова Анна Викторовна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, д. 42; e-mail: nvkz-anna@yandex.ru.

За последние несколько десятилетий концепт «президент» занял прочное место в нашем политическом сознании. Ни один новостной выпуск по телевидению или номер общественно-политической газеты не обходится без информации о Президенте Российской Федерации или о президенте какого-либо другого государства.

Сегодня президент — это главная фигура на политической арене, что вполне объясняет то внимание, которое он получает от ученых из самых различных областей, будь то политология, теория государства и права, история, социология, философия, образование, психология, лингвистика, экономика и т. д. В целом политические сообщества, в которых существует пост президента, насчитывают 150 стран [Халипов, Халипова 2006: 272], во многих из них само слово имеет схожую форму, ср.: англ. *president*, фр. *président*, нем. *Präsident*, итал. *presidente*, португ. *presidente*, голл. *president*, фин. *presidentti*, чеш. *prezident*, болг. *президент* и т. д.

В центре нашего исследования находятся концепты «*president*» и «президент» в американской и российской концептуальных системах. В данной работе мы ставим целью, опираясь на разработки Санкт-Петербургской (Кемеровской) научной школы концептуальных исследований и достижения западных лингвистов-когнитологов, предложить версию происхождения этих концептов и попытаться на их примере ответить на вопрос, поставленный Е. С. Кубряковой в своих трудах: почему то или иное содержание облекается в конкретную языковую форму?

Для этого необходимо дать этимологическое описание лексем *president* и *президент*, рассмотреть понятийные и мотивирующие признаки латинских концептов «*praesidēns*» / «*praesēs*», выявить когнитивные механизмы их формирования с учетом социокультурных и исторических условий.

Вслед за М. В. Пименовой, под *концептом* мы понимаем целостную ментальную единицу концептуальной системы, объективируемую различными языковыми средствами и содержащую структурированное знание об окружающем мире [Пименова 2005: 16]. Важнейшее значение для понимания факторов, повлиявших на формирование современных концептов «*president*» и «президент», имеют их мотивирующие признаки. *Мотивирующие признаки* — это признаки, закрепленные во внутренней форме слова, служащие основой для формирования и развития дальнейших понятийных признаков. *Понятийные признаки* — семантические компоненты лексемы, репрезентирующей концепт [Пименова, Кондратьева 2011: 114—117].

Как пишет Н. К. Рябцева, слова употребляются в различных контекстах и имеют несколько значений. Из контекста новое значение может быть восстановлено и закреплено за словом. Предугадать, какое новое значение закрепится за словом, нельзя. Но и нельзя утверждать, что это значение будет случайным. Сущность концепта заключается в том, что каждый новый смысл, который может быть выражен при помощи соответствующего слова или группы слов, мотивиро-

ван [Рябцева 1991: 73]. При этом поиск мотивирующих признаков осложняется естественными процессами «эрозии внутренней формы» слова, обозначающего концепт, и постепенной утратой связи ее со смыслом. Однако в языках античности, подобных древнегреческому и латинскому, где языковой узус и языковое творчество неразделимы, «а слово в сознании человека наделено едва ли не верховно-устроительной ролью», связь внутреннего содержания концепта и его внешнего бытия ощущается намного сильнее [Гринцер 1991: 38].

Концепты «*president*» и «*президент*» являются опосредованными заимствованиями и относительно молодыми концептами. В английскую концептуальную систему концепт «*president*» вошел в среднеанглийский период (XI—XIV вв.). Репрезентант концепта «*president*» был заимствован из англо-нормандского и среднефранцузского языков. В письменных источниках старофранцузского языка первое употребление слова *président* со значением «назначенный или выборный глава любого собрания» датируется 1296 годом [Oxford English Dictionary Online].

Как следует из этимологического словаря, составленного Д. Харпером, в среднеанглийский период лексема *president* заимствовалась не только из французского языка, но и напрямую из латинского языка [Online Etymology Dictionary]. В качестве примера можно взять Вульгату Иеронима Стридонского и ее перевод с латинского на английский язык, выполненный Джоном Уиклифом: *et venerunt ex sacerdotibus et Levitis et praesidentibus secundum pagos senioribus qui viderant pristinam domum* (Eusebius Sophronius Hieronymus. Vulgata, 382—405 г. н. э.) — *Per camen of preestis & of leuytis & of presidentis after þe townes to þe elderes þat hadden seen þe raper hous* (J. Wycliffite. Bible, 1384 г.).

В русской концептуальной системе концепт «*президент*» впервые фиксируется во времена Петра I в начале XVIII в. — в период становления русского литературного языка. По данным этимологического словаря русского языка М. Фасмера, слово *президент* было заимствовано из немецкого языка [Фасмер 1987: 358]. Как отмечается в словаре Якоба и Вильгельма Гриммов [Grimm 1854: 17], а также этимологическом словаре Фридриха Клуге [Kluge 1899: 303], в немецкий язык слово *Präsident* попало из французского, и первый случай его употребления в литературе в значении «председатель» относится к 1534 году.

Для эпохи правления Петра I характерно бурное развитие научно-технической, военной, мореходной, административной и дру-

гой терминологии, что вызывало большой приток в русский язык слов и выражений из западноевропейских языков [Филин 1975]. Обращаясь к истории, мы находим упоминания о таких должностях, как президенты и вице-президенты коллегий (коллегия чужестранных дел, камер-коллегия, ревизион-коллегия, берг-коллегия и др.), введенных по приказу Петра I «О штате коллегий и времени их открытия» в 1717 г. [Балязин 2007: 205]. В 1720 г. учреждены выборные городские управления — магистраты, ведавшие судебно-административными и податными делами города. В магистраты входили: президент, 2—4 бурмистра, 2—8 ратманов [Ушаков 1935—1940]. В результате церковной реформы, проводимой Петром I, взамен упраздненного патриаршества в 1721 г. создается коллегиальный орган государственной власти — Святейший правительственный синод. Председательствовал в нем президент в епископском сане [Чубарьян 2008: 241]. В 1725 г. в Петербурге начинает работу Академия наук и художеств (Российская академия наук), должность руководителя которой получила наименование «президент» [Осипов 1999].

Первый в мировой истории президент — глава государства был избран в 1789 г. в США. Им стал Джордж Вашингтон, под чьим руководством двумя годами ранее Конституционным конвентом был разработан текст Конституции Соединенных Штатов, закрепивший определение слова *president* и во многом определивший существующее понимание деятельности и обязанностей, которые выполняет президент суверенного государства. Слово *президент* для обозначения реалии нашей страны — главы государства — используется с 1990 г. (изменение статуса президентов: март 1990 г. — Президент СССР, июнь 1991 г. — Президент РСФСР, декабрь 1991 г. — Президент РФ).

В соответствии с «Oxford English Dictionary Online» и «Этимологическим словарем русского языка» М. Фасмера, этимон слов *president* и *президент* имеет латинское происхождение: *praesidēns (praesidentis)* — субстантивированное причастие настоящего времени, образованное от глагола *praesidēo* [Oxford English Dictionary Online; Фасмер 1987: 358].

Praesidēns — председательствующий, глава [Дворецкий 1996: 611], назначенный наместник, глава христианской общины (в произведениях Тертуллиана, начало III в. н. э.) [Oxford English Dictionary Online]. В латинско-английском словаре Т. Льюиса и Ч. Шорта «A Latin Dictionary» от 1879 г. словарная единица *praesidēns* отсутствует.

В этом же словаре находим такой комментарий к глаголу *praesidēo*: «от глагола *praesidēo* образовано субстантивированное существительное *praesidēns*, *-entis*, которое вошло в употребление после эпохи правления римского императора Августа (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) и использовалось вместо слова *praesēs* в значениях: председатель, правитель, наместник» [A Latin Dictionary 1879].

Также рассмотрим значения слова *praesēs* (*praesidēs*), которое, как и *praesidēns*, образовано от глагола *praesidēo*, поскольку, как указывают авторы словаря «A Latin Dictionary», слово *praesidēns* появляется несколько позднее *praesēs* и перенимает его значения. Помимо этого, в переводах с латинского языка англоязычные авторы часто использовали слово *president* для латинского *praesēs*: *Make be ready iumentis, or hors, that thei puttinge Poule vpon, schulden lede him saf to Felix, president* [лат. *praesidem* (вин. п., ед. ч.)] (J. Wycliffite. Bible, 1384 г.). Или: *And ther my Lord of Chester, the Presedent* [лат. *Praeses* (им. п., ед. ч.)] of your Nation, hadd his Wordis to hym in swych a wyse (T. Rymer. Foedera, 1417 г.) [Oxford English Dictionary Online].

Praesēs: I. Прилагательное. Сидящий впереди, с целью охраны, защиты, заботы, управления чем-либо; управляющий, защищающий, охраняющий, обороняющий [A Latin Dictionary 1879]: *locus praesidis* (Maccius Plautus. Casina, ок. 185 г. до н.э.) [убежище]. *di praesides imperii* (Cornelius Tacitus. Historiae, 69—96 гг. н.э.) [охраняющие боги].

II. Субстантивированное существительное. 1) Хранитель, покровитель, защитник [Там же]: *senatum rei publicae custodem, praesidem, propugnatorem conlocaverunt* (Tullius Cicero. Pro P. Sestio oratio, 56 г. до н.э.) [Они учредили сенат в качестве стража, хранителя и защитника государства]. 2) Тот, кто правит — назначенный наместник, глава, правитель, божество [Там же]: *Armipotens, praeses belli, Tritonia virgo, frange manu telum Phrygii praedonis...* (Publius Vergilius. Aeneid, 29-19 гг. до н.э.). [Воинственная дева Минерва, богиня войны! Сломай копье фригийских разбойников...]; *hac nuntiata excubias per urbem indixit, ne quis tumultus existeret, et praesidibus prouinciarum propagauit imperium...* (Suetonius Tranquillus. Divus Augustus, ок. 121 г. н. э.) [Он распорядился, чтобы за городом внимательно наблюдали, дабы не допустить любое нарушение общественного порядка, и продлил сроки службы наместников провинций...].

Таким образом, представляется возможным выявить следующие признаки, входящие в структуру латинских концептов

«*praesidēns*» и «*praesēs*» во времена Древнего Рима: «*praesidēns*» — ‘глава религиозной общины’, ‘правитель’, ‘глава’, ‘председатель’, ‘глава административно-территориального образования»; «*praesēs*» — ‘хранитель / покровитель / защитник’, ‘тот, кто управляет, руководит поступками других’, ‘глава административно-территориального образования’, ‘правитель’, ‘глава’, ‘председатель’, ‘высшее божественное существо в политеизме’. При этом перечисленные признаки латинских концептов «*praesidēns*» и «*praesēs*» являются понятийными и для определения их мотивирующих признаков необходимо более пристально изучить сам глагол *praesidēo*, от которого лексемы *praesidēns* и *praesēs* и были образованы.

И. Х. Дворецкий приводит следующие значения глагола *praesidēo*: 1) восседать впереди (редкое); 2) председательствовать, стоять во главе, руководить, управлять, командовать (*praesideo rebus urbanis* — ведать городскими делами; *praesideo exercitum* — командовать армией; *praesideo Pannoniam* — командовать войсками Паннонии; *praesideo ad iudicandum* — заседать в суде), председательствовать в сенате (*praesideo in senatu*); 3) защищать, охранять, оборонять (*praesideo agros suos, urbi, rei publicae, libertas* — защищать свою деревню, город, государство, свободу) [Дворецкий 1996: 611].

Отсюда, мотивирующими признаками, послужившими основой формирования латинских концептов «*praesidēns*» и «*praesēs*», выступают: ‘восседать впереди’, ‘председательствовать’, ‘править / управлять’ и ‘защищать’.

Семантическая эволюция происходит под влиянием трех взаимообусловленных факторов: когнитивного, лингвистического и социокультурного. Семантические сдвиги значений, изменения лексического состава, семантической структуры языка и лексических полей происходят в результате когнитивных процессов. При этом в языке, который служит материалом для данных процессов, закрепляются новые категории, и только те категории, которые являются культурно и социальными значимыми, сохраняются и получают распространение. Поскольку язык служит инструментом моделирования реальности, то любые факторы, воздействующие на данную модель, будут иметь экстралингвистический характер, т. е. «изменения значений не происходят в вакууме, но всегда в рамках социокультурного контекста» [Györi 2002: 147—148].

По мнению Дж. Тейлора, так как язык является неотъемлемой частью человеческого познания, то и анализ любых явлений в язы-

ке должен строиться на знаниях о когнитивной деятельности человека [Taylor 2002: 9].

Во времена Античности мир мыслился прежде всего в категориях пространства, где для каждого понятия стремились «найти свое место в иерархии космоса» [Гринцер 1991: 41]. Очевидная структура латинского глагола *praesīdĕo* представлена сочетанием приставки *prae-* и позиционного глагола *sedeo*. Само употребление здесь локативной приставки *prae-* со значением «нахождения впереди» свидетельствует об определенной пространственной локализации.

Словари латинского языка указывают на прямое и несколько переносных значений глагола *praesīdĕo*. В прямом значении данный глагол использовался для описания местоположения сидящего человека [A Latin Dictionary 1879], например: *secudum uero paucissims horis <...> cum mane pro aede Capitolini louis paululum curili sella praesedisset, honore abiit suffecto alio in locum suum* (Suetonius Tranquillus. Divus Augustus, ок. 121 г. н. э.). [Утром <...> **посидев** некоторое время в курульном кресле **перед** храмом Юпитера Капитолийского, он назначил другого на свое место]. Если принять во внимание один из процессов концептуализации, а именно перспективу (включенность в ситуацию), предполагающую наличие точки обзора, то можно предположить, что сидящий человек воспринимается в пространстве другим человеком или группой людей относительно их собственного местоположения.

Понятие перспективы, неотъемлемой чертой которой служит ее зависимость от относительного расположения и точки зрения говорящего, часто используется для описания когнитивных процессов концептуализации пространства. «Однако перспектива присутствует и в непространственных областях: у нас имеется перспектива, основанная на нашем знании, мнении и отношении, наряду с пространственно-временным местоположением. Одним из свойств перспективы, рассматриваемой с философских позиций, является включенность в ситуацию, локализованную в пространстве, где пространство предполагает временной, эпистемологический, культурный контекст и, конечно же, само расположение в пространстве» [Croft, Cruse 2005: 58]. Сводя воедино несколько смыслов, заключенных в древнелатинском глаголе *praesīdĕo*, и учитывая исторический и социокультурный контексты, мы предлагаем одну из возможностей понимания глагола *praesīdĕo*, позволяющую согласовать внутреннюю форму слова с содержанием современных концептов «*president*», «*президент*».

В Древнем Риме существовала система государственного управления, в которой исполнительная власть принадлежала выборным государственным чиновникам — магистратам. Из них лишь курульные магистраты (*magistratus curules*) — консулы и преторы обладали верховной властью (*imperium*) [Long 1875a: 723]. Дадим им краткую характеристику.

Ежегодно в центуриатных комициях избирались два консула, власть которых включала в себя высшие военные, судебные и административные полномочия [Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2010]. Они осуществляли надзор за остальными магистратами, проводили их выборы, выдвигали проекты законов, приводили в исполнение постановления сената и народных собраний, служили посредниками между иностранными послами и сенатом, вели переговоры с иностранными государствами, выступали в роли судей на процессах по особо сложным уголовным преступлениям. Вторая часть их обязанностей включала в себя обеспечение внешней и внутренней безопасности республики, защиту от военной угрозы, командование армией, ведение завоевательских войн. После появления римских провинций назначались их наместниками [Schmitz 1875a: 352—357].

Преторы — высшие после консулов римские магистраты, ведали судопроизводством по гражданским и уголовным делам. Как и консулы, выполняли административные обязанности и командовали армией [Long 1875b: 956—957]. Во времена империи преторы, назначавшиеся управлять провинцией, получали название «*provinciarum praesides*» (*praesides* от *praesēs*) [A Dictionary of Greek and Roman Antiquities 1890].

Помимо этого, созывать собрания сената, центуриатных и трибутных комиций (*comitia* — собрание граждан), проходивших в специальных сенатских помещениях, куриях или храмах, имели право консулы или преторы. Председательствовали на заседаниях и руководили прениями также курульные магистраты [Schmitz 1875b: 1016]. В пространственном отношении они занимали места на трибунале в курульных креслах (*sella curulis*): «Будучи председательствующим консулом, Цицерон располагался в курульном кресле на трибунале с другого конца центрального прохода. Очень часто его сопровождал второй консул, который также восседал в курульном кресле; в случае, если отсутствовали сразу два консула, городской претор занимал их место. Сенаторы сидели по обе стороны центрального прохода на скамьях...» [Taylor, Scott 1969: 531]. Куруль-

ное кресло являлось сакральным символом власти и занимаемой высокой должности. Любой человек, которому выпадала честь сидеть в этом кресле, получал право действовать в интересах всей Римской империи [Weinstock 1957: 147].

Таким образом, правом «восседать впереди» обладали люди, наделенные властью и особыми полномочиями. Далее рассмотрим вопрос появления метафорических значений глагола *praesidēo*.

В познании мира человеком важное место занимает понимаемый буквально физический, телесный опыт, в основе которого лежат пять чувств. Многие абстрактные концепты являются расширением физических концептов [Ченки 2002: 346]. Посредством метафорических сдвигов отелесненный опыт структурирует многие другие нефизические (например, психологические, социальные и межличностные) области [Sinha, De Lopez 2000: 21]. Как указывают исследователи в области когнитивной семантики, абстрактное мышление по большей части строится на концептуальных метафорах, имеющих в своей основе различные когнитивные механизмы и структуры. «В целом их можно разделить на две группы: в первой группе образные схемы проецируются на эмпирические области; вторая группа предполагает наличие более специфичной или конкретизированной области-источника. Чем значимее становится область-источник в жизни человека, тем выше вероятность ее использования для метафорического проецирования» [Boers 1997: 47].

Во всякой метафоре имеется область-источник и область-цель. Область-источник «конкретна и антропоцентрична — широко используется человек, его части тела, местонахождение в пространстве и движение» [Рахилина 2002: 381]. Основой перехода из области-источника в область-цель служат скорее соответствия в нашем опыте, нежели прямое сходство между различными объектами и явлениями [Grady 1997: 97]. Т. е. по существу область-источник и область-цель обладают определенными общими чертами, ассоциативно связанными между собой в сознании человека, эксплицирующего их в языке [Алешина 1991: 100].

Исходя из когнитивных свойств метафоры, мы можем предположить, почему и каким образом появляются такие переносные значения глагола *praesidēo*, как «председательствовать», «стоять во главе», «руководить», «управлять», «командовать», «защищать», «охранять», «оборонять». Областью-источником выступает физическое действие, выполняемое курульными магистратами

(физическая область), областью-целью — действия, носящие социальный характер (социальная область). Основанием для метафорического сдвига будет служить присутствие в физической и социальной областях такого фактора, как особая категория государственных служащих Древнего Рима, которые играли определенную роль в жизни общества и выполняли ряд важных функций: *M. Claudius pro consule ad eum exercitum qui supra Suessulam Nolae praesideret missus; praetores in Siciliam ac Sardiniam profecti* (Titus Livius. *Ab urbe condita libri*, ок. 27—25 гг. до н. э.). [*М. Клавдия отправили проконсулом в армию, расположившуюся выше Свессулы, защищать город Нола; преторы отправились в Сицилию и Сардинию*]. *Bellum civile motum a L. Antonio, superioris Germaniae praeside...* (Suetonius Tranquillus. *Domitianus*, ок. 121 г. н. э.). [*Гражданская война была начата Л. Антонием, управляющим Верхней Германией...*]. *...et iudices vel praesidentes magistratus appellando frequentius, ut loquendi vices serventur* (Fabius Quintilian. *Institutio Oratoria*, ок. 95 г. н. э.). [*...часто обращаясь к председательствующим магистратам с призывом соблюдать порядок выступлений*]. (*In senatu princeps praesidebat — erat enim consul* (Gaius Plinius Caesilius Secundus. *Epistulae*, 97—109 гг. н. э.). [*в сенате председательствовал принцепс — ибо был консулом*]. *Quia igitur Iulius comes, per Thracias copiis militaribus praesidens...* (Ammianus Marcellinus. *Rerum Gestarum*, ок. 353—378 гг. н. э.). [*Поскольку боялись, что Юлий, который командовал вооруженными силами во Фракии...*]. *legati ab Orico ad M. Valerium praetorem venerunt, praesidentem classi Brundisio Calabriaeque circa litoribus* (Titus Livius. *Ab urbe condita libri*, ок. 27—25 гг. до н. э.). [*Легаты прибыли из города Орик к М. Валерию, претору, который со своим флотом охранял Брундизий и соседний берег Калибрии*]. *...sortitus est et de altero consulatu in quartum annum, praeseditque nonnumquam spectaculis in Gai uicem...* (Suetonius Tranquillus. *Divus Claudius*, ок. 121 г. н. э.). [*По истечении четвертого года его опять выбрали консулом. Иногда он председательствовал на публичных зрелищах в качестве представителя Кая...*].

В ходе своей эволюции глагол *praesidēo* теряет привязку к курульным магистратам и употребляется для обозначения действий независимо от того, кто их выполняет: *hic ego tibi praesidebo, ne interbitat quaestio* (T. Maccius Plautus. *Mostellaria*, ок. 205—184 гг. до н. э.). [*Я здесь посторожу его для тебя, чтобы допрос все-таки состоялся*].

...quam ob rem vos, di patrii ac penates, qui huic urbi atque huic rei publicae **praesidetis**... (M. Tullius Cicero. Pro Sullae, 62 г. до н. э.) [И поэтому я призываю вас в свидетели, о боги моей страны и домашнего очага, вы, кто **правит** этим городом и этой империей...]. Mars Latio venerandus erat, quia **praesidet** armis... (P. Ovidius Naso. Fasti, 8 г. н. э.) [Марса почитали, ибо он **командовал** армией...]. ...me — testor et vos et populum Romanum et omnis deos qui huic urbi **praesident** (Tullius Cicero. Philippicae orationes, 44—43 гг. до н. э.). [...я призываю вас, римлян и богов, **охраняющих** город, в свидетели...]. Gallia que quae semper **praesidet at que praesedit** huic imperio libertatique communi merito vereque laudetur, quod se suasque viris non tradidit, opposuit Antonio (M. Tullius Cicero. Philippicae orationes, 44—43 гг. до н. э.). [Галлия, которая всегда **защищала и защищает** эту империю и свободу, заслуживает похвалы за то, что не сдается Антонию, а сопротивляется ему]. ...**praesedit** et asticis ludis et Troiam circensibus lusit ductor turmae puerorum maiorum (Suetonius Tranquillus. Tiberius, ок. 121 г. н. э.). [**Председательствовал** он и на городских играх, а в троянских играх, смешанных с цирковыми, командовал отрядом самых старших мальчиков].

Появление существительных *praesidēs* и *praesēs*, образованных от глагола *praesīdēo*, связано с метонимическим сдвигом внутри социальной области, который может быть описан при помощи модели ДЕЙСТВИЕ → УЧАСТНИК (см.: Н. Paul [1975], A. Waag [1901], K. Nyrop [1913], N. R. Norrick [1981]) и для которой, как указывают И. Пирсман и Д. Геерэртс, характерны такие грамматические явления, как субстантивация и вербализация [Peirsman, Geeraerts 2006: 292], например: *igitur per conciliabula et coetus seditiosa disserebant de continuatione tributorum, gravitate faenoris, saevitia ac superbia **praesidentium***... (Cornelius Tacitus. Annales ab excessu divi Augusti, ок. 110 г. н. э.) [Эти люди выступали на различных собраниях и подстрекали к мятежу, рассказывая о бесконечных поборках, высоких налогах, жестокости и высокомерии своих **правителей**...]. Et iumentapraeparate ut inponentes Paulum salvum perducerent ad Felicem **praesidem** (Eusebius Sophronius Hieronymus. Vulgata, 382—405 гг. н.э.). [Он попросил им дать вьючных животных, на одного из которых они могли бы посадить Павла и доставить его в безопасности к **наместнику Феликсу**].

Данная модель была уточнена И. Пирсманом и Д. Геерэртсом в рамках разработанной учеными трехмерной модели мето-

нимических переносов, где каждое измерение — это совокупность определенных когнитивных характеристик метонимических процессов, например: часть — целое, вместимость (свойства контейнера), наличие или отсутствие физического контакта, ограниченность — безграничность, концептуальные области пространства, времени, действия, различных категорий. Концептуальная область действия была дополнена событиями и процессами. К участникам были отнесены агенс, пациенс, место, время и инструмент. Применительно к рассматриваемому случаю с глаголом *praesīdēo* данный перенос приобретает вид ДЕЙСТВИЕ / СОБЫТИЕ / ПРОЦЕСС → АГЕНС, где «контейнером является не место или время, но действие, событие или процесс с их участниками в качестве содержимого. Действие — это „функциональный“ контейнер. Даже если большинство участников существовало до, так же как и будет существовать после действия, они тем не менее концептуализируются как содержимое данного действия... Активный участник может метонимически обозначать действие, которое он выполняет, или наоборот» [Peirsman, Geeraerts 2006: 292—293].

Таким образом, происхождение латинских концептов «*praesidēs*» и «*praesēs*» и, соответственно, современных концептов «*president*» и «*президент*» связано с деятельностью особой категории государственных служащих Древнего Рима, обладавших верховной властью. Данные концепты оформились в результате когнитивных процессов категоризации и концептуализации, реализованных посредством перспективы (включенности в ситуацию), последовательной комбинации метафорического и метонимического сдвигов.

Исследование с позиций когнитивной семантики этимологии слов *president* и *президент* на предмет мотивирующих признаков и понимание факторов, оказавших влияние на развитие концептов в историческом и культурном контекстах, позволяют проникнуть в суть первоначального строения бытия и миропонимания древних, в том виде, в котором оно нашло свое отражение в концептах, а также дают представление о когнитивных механизмах, имеющих место в процессе их генезиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина О. Н. Метафоризация неодушевленных существительных современного русского литературного языка : дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1991.
2. Балязин В. Н. Неофициальная история России. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 608 с.
3. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — М. : NMG, 2010. 1 DVD-ROM.

4. Гринцер Н. П. Греческая ἀλήθεια: очевидность слова и тайна значения // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1991. С. 38—45.
5. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — М.: Русский язык, 1996. 846 с.
6. Осипов Ю. С. Академия наук в истории Российского государства. — М.: Наука, 1999. 208 с.
7. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 15—19.
8. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. — М.: Флинта, 2011. 176 с.
9. Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. — М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 370—389.
10. Рябцева Н. К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1991. С. 72—78.
11. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Т. 3 / под ред. Б. М. Волина, Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935—1940. URL: <http://dict-t-mm.ru/ushakov> (дата обращения: 20.10.2016).
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. — М.: Прогресс, 1987. 832 с.
13. Филин Ф. П. Русский язык // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. — М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 22. 628 с.
14. Халипов В. Ф., Халипова Е. В. Власть. Политика. Государство и государственная служба: аналитический словарь-справочник. — М.: Академический проект, 2006. 384 с.
15. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. — М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 340—369.
16. Чубарьян А. О. Религия мира: история, культура, верование. — М.: ОИМА Медиа Групп, 2008. 398 с.
17. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities [Electronic resource] / ed. by W. Smith, W. Wayte, G. E. Marindin. — London, 1890. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0063:entry=hermae-cn> (date of access: 15.10.2016).
18. A Latin Dictionary: Founded on Andrews' Edition of Freund's Latin Dictionary [Electronic resource] / ed. by C. T. Lewis, C. Short. — Oxford: Clarendon Pr., 1879. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0059> (date of access: 15.10.2016).
19. Boers F. When a bodily source domain becomes prominent. The joy of counting metaphors in the socio-economic domain // Metaphors in cognitive linguistics / ed. by R. W. Gibbs, G. J. Steen. — Amsterdam-Philadelphia: J. Benjamins Publ. Comp., 1997. P. 47—56.
20. Croft W., Cruse A. Cognitive linguistics. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2005. 356 p.
21. Grady J. A typology of motivation for conceptual metaphor // Metaphors in cognitive linguistics: selected papers from the 5th International cognitive linguistics conference / ed. by R. W. Gibbs, G. J. Steen. — Amsterdam-Philadelphia: J. Benjamins Publ. Comp., 1997. P. 79—101.
22. Grimm J., Grimm W. Deutsches Woerterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm (1854) [Electronic resource]. URL: <http://woerterbuchnetz.de/DWB> (date of access: 25.12.2017).
23. Györi G. Semantic change and cognition // Cognitive linguistics. — Berlin: Walter de Gruyter, 2002. № 13—2. P. 123—166.
24. Kluge F. Etymologisches Woerterbuch der deutscher Sprache von Friedrich Kluge. — Strassburg: Verl. Karl J. Trubner, 1899. 510 S.
25. Long G. Magistratus // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. — London: John Murray, 1875a. P. 723—724.
26. Long G. Praetor // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. — London: John Murray, 1875b. P. 956—957.
27. Norrick N. R. Semiotic principles in semantic theory. — Amsterdam-Philadelphia: J. Benjamins Publ. Comp., 1981. 252 p.
28. Nyrop K. Grammaire historique de la langue française. — Copenhagen: Gyldendalske Boghandel Forlag, 1913. Т. 4. 496 p.
29. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.etymonline.com> (date of access: 25.12.2017).
30. Oxford English Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <http://www.oed.com> (date of access: 25.12.2017).
31. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. — Tübingen: Max Niemeyer, 1975. 428 S.
32. Peirsman Y., Geeraerts D. Metonymy as a prototypical category // Cognitive linguistics. — Berlin: Walter de Gruyter, 2006. № 17—3. P. 269—316.
33. Schmitz L. Consul // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. — London: John Murray, 1875a. P. 352—357.
34. Schmitz L. Senatus // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. — London: John Murray, 1875b. P. 1016—1022.
35. Sinha C., Lopez De J. Language, culture and the embodiment of spatial cognition // Cognitive linguistics. — Berlin: Walter de Gruyter, 2000. № 11—1/2. P. 17—41.
36. Taylor J. R. Cognitive grammar. — New York: Oxford Univ. Pr., 2002. 621 p.
37. Taylor L., Scott R. Seating space in the Roman senate and the senatores pedarii // Transactions and proceedings of the American philological association. — Johns Hopkins Univ. Pr., 1969. Vol. 100. P. 529—582.
38. Waag A. Bedeutungsentwicklung unseres Wortschatzes. — Lehr: Moritz Schauenburg, 1901. 192 S.
39. Weinstock S. The image and the chair of Germanicus // The journal of Roman studies. 1957. Vol. 47. № 1/2. P. 144—154.

A. V. Khrenova
Novokuznetsk, Russia

THE ORIGIN OF CONCEPTS “PRESIDENT” AND “ПРЕЗИДЕНТ”

ABSTRACT. *The article is devoted to the origin of modern concepts “president” and “президент” in American and Russian conceptual systems. The research is carried out in accordance with the main provisions of St. Petersburg and Kemerovo scientific school of conceptual research and the achievements of Western cognitive linguistics in description of theoretical constructs. The analysis of representations of the concepts, which required the study of the internal forms of cognate Latin lexemes praesidēs, praesēs, praesidēo on the basis of classical Latin texts and the works of historians about the socio-cultural space of Ancient Rome, showed that the formation of concepts in the historical and cultural contexts was due to the following cognitive mechanisms: the construal operation (perspective / situatedness), metonymic and metaphorical shifts. The key word for understanding the concepts is the verb praesidēo. The verb in its direct meaning is the result of such conceptualization process as perspective/situatedness. The figurative meanings of the verb praesidēo appear after the metaphorical shift: the source domain is the physical action performed by the Roman officials (physical domain), the target domain — actions of a social nature (social domain). The pattern ACTION / EVENT / PROCESS → AGENT is observed in the metonymical transfer. Basically, the main factor that influenced the genesis of the Latin concepts “praesidēs”, “praesēs” and the modern concepts “president”, “президент” was the existence of a special category of civil servants in Ancient Rome who had supreme power and performed a number of important political functions.*

KEYWORDS: *origin of concepts; concepts; concept sphere; presidents; cognitive linguistics; English; Russian; comparative linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Khrenova Anna Viktorovna, Senior Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Siberian State Industrial University; Novokuznetsk, Russia.*

REFERENCES

1. Aleshina O. N. Metaforizatsiya neodushevlennykh sushchestvitel'nykh sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk. — Tomsk, 1991.
2. Balyazin V. N. Neofitsial'naya istoriya Rossii. — M. : OLMA Media Grupp, 2007. 608 s.
3. Bol'shaya entsiklopediya Kirilla i Mefodiya. — M. : NMG, 2010. 1 DVD-ROM.
4. Grintser N. P. Grecheskaya ἀλήθεια: ochevidnost' slova i tayna znacheniya // Logicheskiy analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty / otv. red. N. D. Arutyunova. — M. : Nauka, 1991. S. 38—45.
5. Dvoret'skiy I. Kh. Latinsko-russkiy slovar'. — M. : Russkiy yazyk, 1996. 846 s.
6. Osipov Yu. S. Akademiya nauk v istorii Rossiyskogo gosudarstva. — M. : Nauka, 1999. 208 s.
7. Pimenova M. V. Metodologiya kontseptual'nykh issledovaniy // Antologiya kontseptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Ster'nina. — Volgograd : Paradigma, 2005. T. 1. S. 15—19.
8. Pimenova M. V., Kondrat'eva O. N. Kontseptual'nye issledovaniya. Vvedenie : ucheb. posobie. — M. : Flinta, 2011. 176 s.
9. Rakhilina E. V. Osnovnye idei kognitivnoy semantiki // Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya / pod red. A. A. Kibrika, I. M. Kobozevoy, I. A. Sekerinoy. — M. : Editorial URSS, 2002. S. 370—389.
10. Ryabtseva N. K. «Vopros»: prototipicheskoe znachenie kontsepta // Logicheskiy analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty / otv. red. N. D. Arutyunova. — M. : Nauka, 1991. S. 72—78.
11. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. T. 3 / pod red. B. M. Volina, D. N. Ushakova. — M. : Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey, 1935—1940. URL: <http://dict.t-mm.ru/ushakov> (data obrashcheniya: 20.10.2016).
12. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. — M. : Progress, 1987. 832 s.
13. Filin F. P. Russkiy yazyk // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya : v 30 t. / pod red. A. M. Prokhorova. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1975. T. 22. 628 s.
14. Khalipov V. F., Khalipova E. V. Vlast'. Politika. Gosudarstvo i gosudarstvennaya sluzhba : analiticheskiy slovar'-spravochnik. — M. : Akademicheskiiy proekt, 2006. 384 s.
15. Chenki A. Semantika v kognitivnoy lingvistike // Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya / pod red. A. A. Kibrika, I. M. Kobozevoy, I. A. Sekerinoy. — M. : Editorial URSS, 2002. S. 340—369.
16. Chubar'yan A. O. Religii mira: istoriya, kul'tura, verouchenie. — M. : OLMA Media Grupp, 2008. 398 s.
17. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities [Electronic resource] / ed. by W. Smith, W. Wayte, G. E. Marindin. — London, 1890. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0063:entry=hermae-cn> (date of access: 15.10.2016).
18. A Latin Dictionary: Founded on Andrews' Edition of Freund's Latin Dictionary [Electronic resource] / ed. by C. T. Lewis, C. Short. — Oxford : Clarendon Pr., 1879. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0059> (date of access: 15.10.2016).
19. Boers F. When a bodily source domain becomes prominent. The joy of counting metaphors in the socio-economic domain // Metaphors in cognitive linguistics / ed. by R. W. Gibbs, G. J. Steen. — Amsterdam-Philadelphia : J. Benjamins Publ. Comp., 1997. P. 47—56.
20. Croft W., Cruse A. Cognitive linguistics. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2005. 356 p.
21. Grady J. A typology of motivation for conceptual metaphor // Metaphors in cognitive linguistics: selected papers from the 5th International cognitive linguistics conference / ed. by R. W. Gibbs, G. J. Steen. — Amsterdam-Philadelphia : J. Benjamins Publ. Comp., 1997. P. 79—101.
22. Grimm J., Grimm W. Deutsches Woerterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm (1854) [Electronic resource]. URL: <http://woerterbuchnetz.de/DWB> (date of access: 25.12.2017).
23. Györi G. Semantic change and cognition // Cognitive linguistics. — Berlin : Walter de Gruyter, 2002. № 13—2. P. 123—166.
24. Kluge F. Etymologisches Woerterbuch der deutscher Sprache von Friedrich Kluge. — Strassburg : Verl. Karl J. Trubner, 1899. 510 S.
25. Long G. Magistratus // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. — London : John Murray, 1875a. P. 723—724.
26. Long G. Praetor // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. — London : John Murray, 1875b. P. 956—957.
27. Norrick N. R. Semiotic principles in semantic theory. — Amsterdam-Philadelphia : J. Benjamins Publ. Comp., 1981. 252 p.
28. Nyrop K. Grammaire historique de la langue francaise. — Copenhagen : Gyldendalske Boghandel Forlag, 1913. T. 4. 496 p.
29. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.etymonline.com> (date of access: 25.12.2017).
30. Oxford English Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <http://www.oed.com> (date of access: 25.12.2017).
31. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. — Tubingen : Max Niemeyer, 1975. 428 S.
32. Peirsman Y., Geeraerts D. Metonymy as a prototypical category // Cognitive linguistics. — Berlin : Walter de Gruyter, 2006. № 17—3. P. 269—316.
33. Schmitz L. Consul // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. — London : John Murray, 1875a. P. 352—357.
34. Schmitz L. Senatus // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. — London : John Murray, 1875b. P. 1016—1022.
35. Sinha C., Lopez De J. Language, culture and the embodiment of spatial cognition // Cognitive linguistics. — Berlin : Walter de Gruyter, 2000. № 11—1/2. P. 17—41.
36. Taylor J. R. Cognitive grammar. — New York : Oxford Univ. Pr., 2002. 621 p.
37. Taylor L., Scott R. Seating space in the Roman senate and the senatores pedarii // Transactions and proceedings of the American philological association. — Johns Hopkins Univ. Pr., 1969. Vol. 100. P. 529—582.
38. Waag A. Bedeutungsentwicklung unseres Wortschatzes. — Lehr : Moritz Schauenburg, 1901. 192 S.
39. Weinstock S. The image and the chair of Germanicus // The journal of Roman studies. 1957. Vol. 47. № 1/2. P. 144—154.